

Карл Ханс Штробль "Гробница на Пер-Лашез"

Karl Hans Strobl

(Das Grabmal auf dem Pere— Lacheise)

Перевод по изданию Kościana Ręka, Civis-Press, 1991

Сегодня я въехал в жилище, которое отныне не должен покидать целый год. За мной сомкнулись тяжелые и холодные мраморные плиты, гладкие и лишённые украшений, за исключением узкого карниза с изображением солнечных часов, египетского символа вечности. Мне импонирует его совершенная законченность: впечатляет больше, чем удивительная фантазия резчика. Меня восхищает работа мастеров, с величайшей точностью подогнавших друг к другу каменные плиты. Протянул руку и ощутил под пальцами холодную отполированную поверхность камня. Изредка пересекают поверхность мелкие жилки, напоминающие дивный растительный орнамент либо крылья мелких насекомых, веками заключённых в янтаре. Когда присматриваюсь повнимательнее, создается впечатление, что ленты, петли и зигзаги складываются в особые буквы, укрытые в глубине прозрачного льда. Замерший мир интригующих знаков, навсегда отделенный от повседневной суеты. Это наиболее благородный материал для гробницы.

На тыльной стене, примерно в полуметре от пола помещена бронзовая табличка:

Анна Федоровна Васильская
Умерла 13 марта 1911 года.

За этой надписью скрывается гроб.

Из склепа можно выбраться через небольшую щель. Кладбище плавится от полуденной августовской жары, но здесь холодно. Только у входа подрагивает разогретый, наполненный ароматом трав воздух. Иногда появится жужжащая пчела или зависнет в воздухе голубая стрекоза, чтобы куда-то исчезнуть через мгновение. Кроме этих тихих звуков мелких существ слышится еще один непрекращающийся гул. Это живет Париж. Неподалеку от кладбищенского покоя город, клубящийся трудами и страстями. Границу моего нового дома определяет вход в гробницу, достаточно широкий с точки зрения шуплого мужчины. В течение года будет оно для меня единственным окном в мир: видны только могилы и надгробья.

Но этого достаточно. Если немного наклониться могу увидеть творение Бартоломео, воплощенную в камне идею вечной любви. Вижу людей огорченных, сомневающих, идущих к вратам смерти. И вижу две фигуры любящих, тоже на пороге иного мира. Мужчина встречает судьбу, а невеста, безгранично ему доверяющая, идет той же дорогой. Мне не будет скучно в этом мраморном зале, хотя должен провести здесь 12 месяцев. Чувствую себя святым Иеронимом в гроте, дышу ароматом цветов, украшающих могилы, услаждаю глаза произведениями искусства. Так же как у праведника давних времен, у меня есть необходимые книги, писчие приспособления и бумага. В покое завершу свой труд. Это не будет трактат о божественной любви, как у святого Иеронима, это – научная книга. Пытаюсь объяснить теорию разложения материи, исходя из фактов и новейшей системы сбора знаний, которая когда-то получит мое имя.

Чего я хочу? Чтобы осуществились все мои мечты? Мог ли я, бедный молодой ученый без постоянного заработка, который даже из-за голода не бросал своих исследований, ожидать чего то большего?

Мне хватит времени, чтобы завершить мой труд. Не вижу никаких препятствий. Целый год я не смогу ни с кем разговаривать, кроме слуги, который будет приносить мне еду. Любовь или дружба не имеют сюда доступа. Я не буду беспокоиться о куске хлеба. Мадам Васильская старательно позаботится обо мне: составила даже подробное меню. И если сегодня, на третий день моего пребывания здесь, могу что-то сказать по этому поводу, то признаю – та, в чьей гробнице я сейчас обитаю, понимала, что такое хороший обед. Не скрою, я доволен, что могу наконец то хорошо питаться. Я очень долго голодал, чтобы не оценить по достоинству фаршированные пулярки, язык в польском соусе или российских закусок. Я доволен и уверен, что не изменю своего мнения на протяжении ближайшего года. А когда оговоренный срок пройдет, то получу от владелицы склепа 200 тысяч франков.

200 тысяч.

Это означает, что не должен буду клянчить у издателей, чтобы опубликовать свой труд. Они бы осудили нищего ученого предлагающего труд, который бы разозлил всех пустоголовых из Академии. А сейчас могу спокойно издать или купить кого-то из них, если захочу.

200 тысяч франков.

Мне их хватит на поездки, во время которых буду читать лекции о своих открытиях. Значит, что смогу прокатиться на автомобиле с Марго. На следующий день мы бы уже приехали в Марсель, где белая яхта ожидала бы нас у пристани.

Бедная малютка, столько вытерпевшая из-за меня. Заслужила сказочное путешествие. Солнце, морской воздух и никаких занятий, кроме приятного времяпрепровождения. Мадам Анна Федоровна Васильская – да простит меня моя благодетельница – должна была быть большим оригиналом, сдвинутым еще больше, чем ее эксцентричные родственники, которых знает весь Париж.

Могу себе ее представить. Видел ее портреты и выслушал рассказы ее соседей.

Она напоминала мне императрицу Екатерину – женщину, полную сжигающей жажды познать мир во всех его проявлениях, как в наименее жестких, так и в очень грубых. Приезжают к нам сказочно богатые россиянки, оставившие свои дома, стоящие среди степей, болот или окруженные бескрайними полями. Многие годы они издевались на невольниками – мужиками, и развлекали скучное существование мелкими политическими интригами. И сбегают в Париж, чтобы получить в полной мере то, что раньше жизнь выделяла им по капельке.

Сужу после старательного изучения черт ее лица.

Согласно завещанию, после того, как согласился на оговоренные условия, мне показали ее портрет. Мог им любоваться около часа.

Мадам не доставила художнику много проблем. Она не относилась к сонму цветистых салонных барышень. Я бы сказал, неброская.

Она стоит возле открытого окна с непокрытой головой. Я должен признать, у нее прекрасное тело. Около 50 лет. Умные, холодные глаза смотрят из под подрисованных бровей. Крупный русский нос, полные уста и сладострастный рот с кроваво-красными губами. Крепкие белые зубы. Можно скорее почувствовать, чем увидеть, холодную усмешку, настоящую усмешку Джоконды. Художник необычно изобразил руки своей модели. Пальцы необычайно длинные. При необычном освещении они напоминают когти. Любовь этой женщины уносила к вратам рая.

Мое допущение подтвердила информация, которую я собрал о мадам Васильской. Когда решил заработать 200 тысяч франков, о которых говорилось в завещании, начал расспрашивать соседей покойной. Кто бы решился прожить год в гробнице абсолютно чужой ему женщины? Желательно знать, кому ты каждый день желаешь спокойной ночи. Услышал много необычного. Но, мне кажется, о еще большем умолчали. Замолчали все то, что казалось им невероятным. Обычные люди не представляют, какие невероятные истории приходится выслушивать таким, как я, о фантазиях, пробужденных неожиданными экспериментами.

Как и императрица Екатерина, мадам Васильская любила искусство. Оставила превосходную коллекцию картин, в основном от Гойи до Ван Гога. Жанровые полотна. Натюрморты, пейзажи или портреты ее не интересовали.

В коллекцию входил шикарный набор тематического фарфора. Афродита, нимфы, наяды, грации – работы мастеров Мейсена, Севра и Вены.

Но мадам Васильская любила не только искусство – подобные страсти порождают сильнейшую любовь к жизни.

У нее бывали недюжинные прихоти. Как и Екатерина Великая любила молодых парней. Иногда передевалась в мужское платье и бродила по парижским улицам в поисках приключений. Снимала апартаменты в отелях и устраивала там оргии. Эти гулянки на несколько дней приковывали внимание всего светского Парижа.

Она была жестока. Ни одна горничная не выдержала, не смогла прослужить к ней достаточно долго. Подобно римским матронам могла уколоть служанку шпилькой или прижать лицо щипцами для завивки. В отличие от античных коллег, парижские служанки не считали себя обязанными стойко сносить жестокость хозяйки.

Показательным было происшествие с молодым пекарем. Увидела парня из пекарни, который приносил хлеб в ее дом. У него была очень красивая шея, которая очень

понравилась мадам Васильской. Попросила парня позволить трижды укусить его за горло. Поскольку свою просьбу подкрепила значительной суммой, он согласился. После второго укуса выскочил с воплями из комнаты. Потом парень долго болел, и ни за какие деньги не соглашался прийти в дом русской.

Вот такой была моя благодетельница.

Надо признать, что обитаю в сенях перед местом упокоения неординарной женщины. Под гладким холодным мрамором упокоился на редкость горячий темперамент.

Вчера начал работу.

Для начала нужно упорядочить огромное количество записей. Мои приятели всегда шутили, что работаю как немецкий профессор. Я считаю, что педантизм – не преступление, тем более когда строишь систему, позволяющую создать новый раздел науки.

У меня множество карточек. На белых делаю пометки о собственных экспериментах и записываю мысли. На голубых излагаю контраргументы академических авторитетов. Желтые служат для уничтожения оппонентов.

Первым заданием будет сортировка этих записок. Но уже вначале меня ожидала неприятная неожиданность. Вчера упорядочил записки к первому разделу. Когда сегодня утром проснулся и встал из кровати, то увидел сотни листков, разбросанных по полу. Их было трудно поднять с холодного камня. Казалось, бумагу притягивает какое-то магнитное поле.

Наверное, ночью был ветер. Порыв сдул записки со стола.

Должен вновь начинать все сначала.

Иван мог многое рассказать о своей хозяйке – если бы захотел говорить. До сих пор не знают, может ли он сказать что-то, кроме "добрый день" и "до свидания". Голос у него скрипучий как у попугая или испорченного фонографа.

Пунктуально дважды в день появлялся, привозя тележку с алюминиевой посудой с едой, которая разогревалась при помощи хитрого приспособления. Толкал тележку перед собой, как итальянский мороженщик. Осторожно въезжает на пригорок, задерживается перед гробницей госпожи и выставляет еду на столик. А потом садится на пол, поджав ноги по-турецки, и смотрит на меня. Не очень приятно кушать, когда кто-то заглядывает тебе в рот. Много раз пытался разговаривать его. Хотя бы для того, чтобы выйти из неудобного положения. Безрезультатно – будто бы пробовал разговаривать доску в заборе.

Иван – низменный человек. Его череп покрывает короткая щетина. Даже сейчас, жарким летом, носит на голове баранью шапку в татарском стиле. Будь он помоложе и попривлекательнее, я бы решил, что делает он это, чтобы обратить на себя внимание и привлечь симпатии бретонских девушек, которые любят чужестранцев. Именно так поступают русские студенты, прогуливаясь в куртках и в высоких ботинках по Парижу в поисках молодой красотишки, которая бы их обласкала.

Но Ивана в этом заподозрить нельзя. Его лицо напоминает рельефную карту. Между оспинами краснеют нагнаивающиеся струнья (короста). Редкие волоски на покрытом прыщами подбородке наводят на мысль о палках, воткнутых в песок непослушными детьми. Конечности этого гротескного типа производят впечатление оторванных некогда от тела, а затем неуклюже приделанных вновь. Ну почти всех – если припомнить старого горбуна.

Этот татарин – единственный слуга, которого мадам Васильская привезла с Родины в Париж. Оставался при своей повелительнице до самого конца. Он мог бы рассказать мне о всех ее привычках и капризах. Русские дамы не привыкли обращать внимание на слуг.

Прежде всего, хотелось бы знать цель ее необычного завещания. Не думаю, что поступила так по доброте душевной, альтруизм был чужд ее характеру. Вряд ли сделала это, чтобы получить благодарность неизвестного ей человека, или чтобы память о ней жила в чьих-то воспоминаниях.

Рассматриваю три возможности. Могла опасаться, что ее похоронят живьем. Время от времени журналисты пишут о подобных жутких происшествиях. Может быть, хотела, чтобы кто-то мог ее услышать, если очнется в кромешной тьме гроба. Но нет! В этом случае потребовала бы, чтобы человек поселился в гробнице сразу после похорон. Однако кандидат мог быть найден в течение года.

А может, боялась кладбищенских гиен? Каждый слышал о сержанте Бертроне, пойманном на Пер-Лашез. Однажды, когда похоронили молодую женщину, он откопал гроб и совершил развратные действия. Жажда некрофила была необузданной. На суде он признал, что иногда мог за ночь откопать до 15 гробов, пока не находил нужную женщину. Он был очень изворотливым мерзавцем, и долго удовлетворял свои жуткие желания. Но однажды попал в ловушку, установленную возле кладбищенской стены. Может мадам Васильской была невыносима мысль, что ее тело попадет в руки подобного монстра?

Есть еще одна возможность, наиболее отвечающая образу азиатской тиранки. Возможно, решила истратить 200 тысяч, чтобы насладиться мучениями кандидата, окруженного тревогами и печалью кладбища.

Если таковы были ее намерения, то в моем случае она очень сильно ошиблась.

Уже поздно. Выпил бутылку бургундского и пребываю в прекрасном расположении духа. Пора прощаться с моей благодетельницей.

Встаю, склоняюсь и стучаю пальцем в бронзовую плиту:

- Спокойной ночи, Анна Федоровна, спокойной ночи.

Склеп отозвался эхом:

- Спокойной ночи.

Снова приключилось тоже. Мои записи, оставленные в порядке на столе, утром валялись на полу. Надо будет сложить их в другом месте или использовать пресс-папье. На пол их сбросил порыв воздуха. Ночью неожиданно проснулся, хотя спал глубоким сном. Будто в нервы послала сигнал какая-то электрическая батарея. Легко будет это прояснить. Все мое естество настроено на эту работу. Когда сплю, подсознание бодрствует. Чувство опасности, угрожающей моему труду, вырвало меня из сна.

Проснулся и увидел, что мраморный зал уже освещает бледный отсвет. Сейчас новолуние. Наверное, свет отражается от белых памятников. Свет попадает сюда и смешивается с отблесками фосфоресцирующего мрамора. Впервые вижу такое освещение – оно напоминает мне флуоресценцию океана. Может быть, солнечный свет, поглощенный камнем на протяжении дня, сейчас испускается обратно.

Сел на кровати. Тайнственное явление захватило меня. Может, благодаря этому необычному феномену, расширю мой труд и сумею перевернуть современный взгляд на природу материи? Что за удивительное излучение.

В этот момент увидел на месте, где располагается бронзовая табличка, черное прямоугольное отверстие, будто бы кто-то вынул плиту.

Почувствовал доносившийся оттуда запах увядших цветов и угасших свечей, тот характерный запах, который временами заполняет Пер-Лашез. Порыв пронесется к тыльной стене, и я вижу, как он поднимает мои заметки, разбрасывает карточки по столу, а затем сметает на пол.

Испуганный, но рассерженный срываюсь, чтобы спасти хотя бы часть записей. Листки вновь будто бы прилипли к мрамору. Пол кажется влажным и липким, вроде застывшей массы, верхний слой которой вновь размяк.

С усилием отдираю от него листки бумаги. Мой взгляд прошелся по бронзовой плите. Она уже на своем месте. Мягкий свет хорошо освещает ее, можно даже прочитать имя умершей.

Я почувствовал возбуждение. Я оказался один на один с загадкой, перед открытием, касающимся одной из самых таинственных сил – света. Я уверен, что столкнулся с новым видом излучения, проникающего в металл подобно рентгеновским лучам, и, в зависимости от угла обзора, делающего его невидимым для глаз. Когда смотрел с кровати, плиты будто бы не было на месте.

Сел, но тут же поднялся. Наверное, просмотрел момент, когда можно было увидеть исчезновение плиты.

Той ночью я спал недолго. Обдумывал всяческие методы изучения свойств света, чтобы лучшие применить при первой же okazji. Перед рассветом, когда необычное свечение стало исчезать, немного подремал.

Появились праздношатающиеся. Стоят перед входом в гробницу и пытаются меня рассмотреть. О моем деле писали разные газеты. Парижанам непросто представить, что кто-то согласился на столь длительную добровольную изоляцию. Некоторые насмеются надо мной, стоя в лучах солнца и бормоча что-то. Другие сочувственно кивают головами. О, если бы вы знали, что вообще не испытываю мук по причине, которой парижане боятся больше смерти – мне не скучно. Если бы знали, сколько мне всего нужно обдумать.

Какой-то мелкий писака пытался лишить меня 200 тысяч, лишь бы накалякать пикантную статью.

Признаюсь, хотел бы знать, что обо мне пишет пресса. Считают меня героем или идиотом. Надо дать задание Ивану. Только попросить не приносить информацию ни о чем, что делается вне той части кладбища, которую могу видеть. Ничто на свете не оторвет меня от моего труда.

Тот бумагомарака едва меня не провел. Жестами дал понять, что я обязан молчать. А затем показал двери, если так можно назвать вход в гробницу.

Второй визит произвел на меня большее впечатление. Пришла Марго, но не отважилась подойти близко. Увидел вдали, среди могил ее серую шляпку с золотыми розами. Шел дождь. Какие-то люди возвращались с похорон и задержались возле гробницы. Вода стекала с черных зонтов. Кто-то пробовал шутить. Потом неожиданно, на долю секунды, увидел бледное печальное лицо Марго под черной вуалью.

О, моя дорогая. Это также для тебя, прежде всего для тебя, моя маленькая.

У меня нет ни малейших сомнений – в мраморе гробницы действуют межатомные силы, не известные ранее науке.

Я продолжил ночные наблюдения. Примерно в полночь, когда стало совсем темно, вновь началось загадочное свечение. Зеленоватый свет сочится из камня. Готов поспорить, что это какой-то особенный вид мрамора, в течение дня впитывающий свет, а ночью его отдающий.

Против этой гипотезы свидетельствует один факт – во время излучения меняется структура мрамора. По крайней мере, мне так кажется. Поверхность камня будто размягчается, превращается в тянущуюся желеобразную массу. Одновременно в загадочном свечении явно проступали жилы камня. Мхи, созвездия, изогнутые ветки морских кораллов приближались к поверхности мрамора. Ходил по плитам, а чувствовал,

что ступаю по мягкому ковру. Когда касаюсь стен, то почти уверен, что на них остаются вмятины от пальцев.

Это неопишное счастье, в момент, когда приступил к эпохальному научному труду, столкнулся с явлением, которое так приближено к интересующей меня теме. Этот феномен, если я его досконально исследую, может разрушить мою теорию.

Решил тщательно исследовать данный феномен. Появление свечения и изменения структуры мрамора находятся в тесной зависимости. Эту зависимость и предстоит определить, и вывести, исходя из элементарных законов материи, так как и другие виды излучения. Для исследований мне будут нужны кое-какие приборы. Вручил Ивану список необходимого оборудования. Он посмотрел на меня непонятливо и что-то пробормотал. Бедняга, его азиатская голова не в состоянии понять, какими путями движутся мысли истинного исследователя.

Я пополнел.

Очевидно, это забавно. Неохотно себе в этом признаюсь, но не хочу себя обманывать. Я начал полнеть. Мой изголодавшийся организм поглощает еду в таком темпе, что брюхо всегда набито.

Ранее обнаружил, что мои необычайно худые руки, настоящее переплетение сухожилий и жил, изменились. Между сухожилиями уж нет углублений, жилы окружает жирок, пальцы округлились. Ноги теперь плотнее заполняют штанины. Острые колени, когда сажусь, напоминают крышу Дома инвалидов. Когда я прогуливаюсь, то ощущаю неведомую мне доселе тяжесть тела.

Сегодня я опять убедился, что прибавил в весе. Пока корпел над своим трудом, начисто позабыл о Божьем мире. На середине предложения что-то заставило меня отложить перо, и мне захотелось выглянуть наружу. Увидеть частичку голубого неба.

Величественно, хотя и с ощущением необычайной легкости, парит в воздухе желтый липовый лист. Еще очень рано. Могилы обтягивают паутинки бабьего лета, и на многих сверкают бриллиантами капельки росы.

И захотелось мне увидеть в этом чистом холодном свете творение Бартоломе (Поль-Альбер Бартоломе (1848-1928) французский резчик и скульптор, автор скульптур и могильных памятников, в том числе на Пер-Лашез), мраморную фигуру, идущую от блеска жизни к сумеркам смерти. Хочу упоения счастьем от общения с высоким искусством.

Встаю, подхожу к выходу, изгибаюсь, пытаюсь увидеть памятник. Но не могу его увидеть. Мое пополневшее тело заполняет весь проем, застряло и торчит в нем как в ловушке.

Только приложив усилия, я сумел выбраться обратно в гробницу.

После этого сделал забавный вывод – я узник. Я, худой как жертва голодания, являюсь узником собственного брюха. Чрезмерная прожорливость лишила меня наслаждения общения с прекрасным.

Ничего удивительного. Ем как лесоруб, а движения у меня никакого. Это нужно менять. С сегодняшнего дня ограничиваю себя в еде и буду ежедневно полчаса бегать вокруг стола. Что же такое будет, если по окончании обусловленного срока не смогу выйти из гробницы со своими 200 тысячами франков? Мне нужно быть сдержанным.

О, трагикомедия обжорства! Куда подевались мои возвышенные намерения? Я допускаю, что пустили коренья в мою душу, срослись с моей волей, стали частью моей веры в себя и в начатое дело.

Увидел Ивана, приближающегося с тележкой, и убедился, что моя решимость сильна.

Передо мной появился салатник, полный божественной солянки. В серебряном подносе увидел отражение своего округлевшего лица и припомнил принятое решение.

- Нет, - сказал я, отодвигая салатницу. – Сегодня выпью кружку бульона и съем булку. Иван смерил меня взглядом. Думаю, пытался понять, что со мной. Молча убрал солянку и поставил на стол кружку. В этот момент запах бульона атаковал мое обоняние с такой силой, что все постановления стали трещать по швам. Когда глотнул бульон, голод усилился невероятно. Желудок требовал пищи, будто бы я уже голодал недели две. Кишки играли марш. И я отбросил все обязательства.

Иван собрался увозить тележку. Как бы случайно сползло покрывало, показывая горшочки и мисочки.

Увидел белую грудку фазана, коричневые кусочки печени, радужный итальянский винегрет и блестящую глазурь торта.

Я поднялся, перегнулся через стол и подтянул к себе солянку:

- Иван, давай все и немедленно.

Неожиданно проснулся аппетит.

Когда приступил к трапезе, то вновь увидел свое отражение в отполированной посуде.

Стиснул зубы, скосил глаза, лицо исказила первобытная жажда. Я напоминал зверя, у которого пытаются отнять добычу.

Ничего не осталось после обильной трапезы. Съел солянку, печень, половину индюшки. И еще сдерживал себя, чтобы как голодный пес не разгрызть кости.

Повар, готовящий для меня блюда согласно указаниям мадам Васильской, превосходный мастер своего дела. Не думаю, что можно готовить лучше него. Блюда великолепны, оставляют богатое послевкусие. Проба одного блюда влечет желание отведать следующее. Нельзя противостоять великолепию, которое одновременно дразнит зрение, обоняние и вкус.

Я благословляю незнакомого мастера сковородки и выражаю ему свое глубочайшее почтение. Хотя похоже на то, что никогда не смогу выйти из этой гробницы. Прихожу к выводу, что меня с непонятной целью ... откармливают.

Иван доставил оборудование, необходимое для исследований. Складывал их передо мной с понурым и злобным выражением лица. Ничего удивительного. Разве он способен понять, для чего эти призмы, экраны, пробирки, штативы и камеры?

Университетская лаборатория предоставила мне необходимые приборы. К ним прилагалось письмо "академия счастлива помочь молодому ученому, слава которого..." Знаете ли вы, для чего послужит оружие, врученное вами? Я собираюсь растормозить закостеневшую науку. Мои знания закреплены в памяти, доводы изложены на стопках листов. Должен только разместить в сотворенной мной системе этот необычный феномен, свидетелем которого я стал в гробнице.

Пока все попытки сделать это остались безрезультатными. По мере более тщательного изучения феномена излучения, он становится все более загадочным.

Наблюдаю его по ночам. Я не смогу спокойно спать, пока не найду разгадки. Излучение мрамора не относится ни к одному из известных науке видов. Бледный, зеленоватый блеск появляется из камня без всяких видимых причин. При этом оно нарушает некоторые законы оптики, не преломляется, и не отклоняется в магнитном поле. Излучение не имеет – и это наиболее удивительно – спектра. Проходит сквозь призму как через обычное стекло. Линза не фокусирует его и не рассеивает. Не оставляет ни малейших следов на фотографической пластине.

Зеленое свечение насмеялось над законами природы.

Оно может иметь химическое воздействие, что доказывает размягчение мрамора. И излучение не иллюзорно. Приборы подтверждают мои наблюдения и выводы. Реакция начинается вскоре после полуночи, будто бы зеленоватые лучи должны некоторое время воздействовать на мрамор, прежде чем он начнет реагировать. Процесс идет до восхода и

полностью прекращается при дневном свете. На протяжении дня камень твердый и монолитный.

Пока действует непонятный феномен, камень поддается давлению пальца, можно оставить в нем борозды. Напоминает застывшее желе или огромный кусок засыхающей замазки. Ладонь оставляет в нем след, который медленно рассасывается. Несколько минут след виден, затем исчезает бесследно. Одновременно у мрамора проявляются значительные магнитные свойства. Его поверхность липкая и мелкие предметы притягиваются к ней. При прикосновении кожа прилипает к поверхности камня. Потом наблюдается покраснение и ощущается жжение.

Не знаю, как удастся объяснить все это. Пока я беспомощен.

Лихорадочно пытаюсь найти правдоподобную гипотезу.

Задумался, не является ли таинственное излучение родственным тому, что наблюдал польский инженер Рыхновски. Устанавливая освещение в здании львовского сейма, он столкнулся с неизвестным явлением, которое описал так:

"Во время ночных испытаний в комнате, прилегающей к помещению, в котором находилась динамо-машина, появились зеленые светящиеся шары. Следует отметить, что оба помещения разделяла стена шириной в один метр. Феномен повторялся раз за разом в момент отключения подачи электроэнергии"

Желая тщательно изучить необычное явление, Рыхновски сконструировал автоматический прерыватель тока. Ему удалось вызвать большее количество светящихся шаров, которые в конце концов сливались, создавая однородное излучение.

Инженер считал, что открыл новый вид материи, который назвал "электроидом".

Имели ли зеленые шары Рыхновского отношение к таинственному излучению из гробницы мадам Васильской? Приведенное выше описание могло подтолкнуть к таким выводам. Вот только где же тут динамо-машина, столь необходимая для шаров Рыхновского? Я помнил, что официальная наука скептически отреагировала на сообщение польского инженера. Между нами существенная разница, он считает свои шары новой формой материи.

А мой феномен с уверенностью можно отнести к нематериальным явлениям. Возможно, на Земле нет для него подходящей категории, и он находится вне возможностей исследования современной науки. Я считаю его самосветящимся эфиром. Что-то вроде космического эфира, вездесущего и проникающего сквозь любую материю. Его атомный вес составляет 0,0000096 веса атома кислорода, а скорость составляет 224 000 000 км/секунду.

Еще несколько лет назад Пуанкаре написал в своей "Математической теории света":

"Вопрос о существовании эфира не имеет для нас, физиков, особого значения. Разгадка лежит в области метафизики".

Это высказывание указывает на близорукость этого гениального ученого в некоторых вопросах. Нет-нет, вопрос о эфире живо занимает внимание физиков. С момента, когда Максвелл прояснил электромагнитную природу света, должны определить, что электричество – не природная сила, а субстанция. С момента, когда научились различать позитивно и негативно заряженные элементарные частицы, понятие "сила" значительно сузилось. Отсюда остается всего лишь шаг до смелого утверждения Менделеева, творца периодической системы элементов, что у эфира химическая природа. В связи с этим, он подчиняется закону периодических элементов.

Таким образом, мои наблюдения вместе с исследованиями первоматерии и эфира Джорджа Рудольфа полностью опровергают современное представление об атомах. В общем, атомы не плавают в космическом эфире, будто белка, попавшая в воду. И это камень в фундамент моей теории.

Атомы образуются из эфира. Они результат возмущений в его лоне, циклонов, которые сгущают эфир, меняют движение частиц с поступательного на вращательное. А как образуется космический эфир? В этой чудесной точке физика стыкуется с метафизикой. Тут, месье Пуанкаре, движение преобразуется в субстанцию.

Эфир – это изменение сил в материи. Энергия – это не свойство материи, это первичный феномен, создающий эфир. Это решает проблему распада материи, так беспокоящую современных физиков. Материя должна быть разложена, чтобы стать чистой энергией. Закон сохранения энергии справедлив, но начинает действовать еще до появления материи, которая возникает в результате круговорота космической энергии.

Исходя из вышеперечисленного, космический эфир одновременно материален и нематериален. Он элемент и энергия, причина всяческих явлений, и одновременно – в силу сочетаемых в себе качеств – лишен определенных черт. Именно поэтому, я не сумел определить никаких свойств эфирного свечения в моем мраморном обиталище.

Однако некоторые факты меня беспокоят. Не могу их объяснить. Я говорю о таинственных исчезновениях бронзовой плиты. Оно начинается вдруг и так же неожиданно заканчивается. Я не сумел определить никаких закономерностей.

Около полуночи я работал, и заметил, что плита исчезла. Подошел ближе, чтобы рассмотреть. Металлическая плита исчезла бесследно. А вскоре бронзовый лист вернулся на свое место. Должен отметить, что в этот момент уходит неприятная подавленность, вызванная недостатком дыхания и ускоренным ритмом сердца, проявившимися после исчезновения плиты.

Подводя итоги, отмечу, что сейчас знаю столько же, сколько и до начала исследований.

Противоречивые свойства излучения вселяют неуверенность. Я начинаю сомневаться, что излучение в гробнице имеет отношение к космическому эфиру.

А если это не эфир, то что же тогда?

Получил ответ на свой вопрос.

Закончил писать при свете дня. Был очень уставшим и уснул как убитый. Ниже моей записи было что-то дописано. Я прочел:

"Это дыхание катакано".

Кто такая катакано? Или что такое? Ответ на мой вопрос стал очередной загадкой.

Кто написал эти слова? Может речь идет о самой необычной из окружающих меня необыкновенных вещей?

На первый взгляд, это мой почерк. В нем отражены все особенности моего характера. Но стоит присмотреться, и станет ясно – это подделка. Кто-то очень старался, чтобы посмеяться надо мной.

Кто мог придти сюда, и так странно пошутить?

Остается только одно объяснение. Я сам во время глубокого сна встал и написал эти странные слова. Почерк кажется странным из-за моего необычного состояния.

Но откуда я взял это слово – катакано? Не имею понятия, что оно значит. Может родилось во время сна в таких глубинах моего сознания, куда не добирается свет разума?

До этого не подозревал у себя малейших проявлений сомнабулизма. Тело никогда не подводило меня, если не считать мук голода.

Кстати: не могу исключить того, что я временами пребываю в необычных состояниях сознания. Следует подчеркнуть: в моем случае тело и дух находятся в оппозиции.

Благодаря необычному аппетиту изменил собственным клятвам, и сейчас сильно прибавил в весе. А дух постепенно погружается в сон.

Пересмотрел в который раз мои размышления. В целом, они верны, но теперь я вижу их шаткость. Утрачиваю энергию и характерную для моих работ четкость мысли, в которой мне отказывали даже самые ярые оппоненты.

Теперь, даже видя очевидные изъяны, я не пробую их исправить. Просто не знаю, как это сделать. Самое важное на данный момент – установить, что такое дыхание катакано. Я думаю, что именно в этом кроется ключ к разгадке всех тайн.

Знаю, будет гораздо лучше, если я сумею вернуть быстроту и четкость мыслей, отрекусь от обжорства, животного инстинкта набивания брюха. Битва с ненасытным голодом подрывает мои силы. Когда насыщаюсь под завязку, то ощущаю брезгливость и стыд. За такое слабование мог бы плюнуть себе в лицо, размозил бы мягкие, бледные, толстые лапы, которые подносят жратву к моему рту.

Не предполагал, что неумеренное потребление пищи провоцирует нездоровый голод. Так происходит с гусями, которых откармливают ради печени и потрошков. Откармливаемыми. Может меня также откармливают? Но для чего?

Сегодня впервые за длительный период я крепко спал.

Вчера вечером я, как обычно, собирался поработать. Но не сумел привести свои мысли в порядок.

Вчера был день поминовения усопших (день всех усопших верных, по-немецки Aller-seelen – католический праздник. Отмечается 2 ноября, прим. перев.). Толпа заполонила Пер-Лашез. Весь Париж пришел к своим ушедшим. Повсюду венки, цветы, свечи. Шелест тихих разговоров как тяжелое облако разносится над могилами.

Целый день разные люди останавливались перед гробницей. Сначала пришли две дамы в трауре. С ними была маленькая девочка. Наверное мать, жена и дочь кого-то недавно умершего.

Ребенок робко смотрел на меня большими глазами.

- Мама, это господин, который целый год должен прожить в могиле?

Женщины поспешно ушли, утянув за собой малышку, через несколько шагов забывшей о всех страхах. Она поджала колени и повисла на руках женщин. Парила над аллеей как ангелочек.

Не все зеваки были одинаково деликатны. Некоторые пытались втянуть меня в разговор. Иногда небо было ясным, иногда его закрывали темные тучи. Я видел людей то в ярком свете дня, то в полумраке. В конце концов я отошел от входа в гробницу. Вечером шум стих.

Вскоре Иван привез ужин. Пока я ел, кто-то подошел к входу в гробницу.

- Извините...

Это был молодой человек. Ремесленник, а может торговец.

- Извините, - повторил он тихо.- Не оставайтесь здесь дольше. Прошу вас, забудьте о деньгах. Она дважды укусила меня в шею...

В эту секунду Иван подскочил со своего места как дикий зверь. Таким я его раньше не видел. Его короткие волосы стали дыбом. Занес кулак. Молодой человек испуганно отступил и растворился во мраке ночи, окутавшей молчаливое кладбище.

- Кто это был? – спросил я.

Иван заскрежетал зубами.

- Не знаю, - сказал он охрипшим голосом.

Я и сам знаю: это пекарь мадам Васильской, которого она дважды укусила в шею.

Разморенный трапезой, заснул крепким сном.

Проснулся со странным ощущением. Было не по себе. Сильно жгло руку пониже локтя и шею. Осмотрел руку, увидел возле сгиба маленькую, засохшую уже ранку. Была двойной, будто след от укуса. Другого объяснения я этому повреждению не нахожу – это укус.

Вокруг ранки кожа неестественно бледная и жесткая.

Я прикоснулся к шее. Там такая же ранка.

Я должен решить: кто это мог быть? Какой-то последователь сержанта Бертрана? Существуют ли люди, которые под действием омерзительной жажды шатаются по кладбищам, разыскивая подходящие останки, а если их не найдут, то нападают на спящих?

Ночи становятся холодными. Нужно плотнее закрывать двери гробницы. Вскоре здесь понадобится печка, если у меня нет намерения замерзнуть насмерть. В мраморном заточении.

Спросил Ивана, как он собирается подготовить гробницу к зиме. Посмотрел на меня, будто вообще ничего не понял. Я уверен, что должен скрывать от него таинственные ранки. Надел высокий воротничок, и подтянул манжеты. Но русский в меня изучающее всматривается.

Чувствую себя так, будто скрываю постыдный проступок.

- Мне нужна печка, - выкрикнул я. – Понимаешь, печка!

Он кивнул.

И тут мне в голову пришла мысль.

- Послушай, Иван, а почему ты сам не... Мог бы заработать 200 тысяч франков.

Настоящее состояние. Каждый мог претендовать. Почему ты не согласился?

И вижу, как меняется этот мрачный хрыч. Лицо его искажает ужас, вытягивает руки с кривыми пальцами перед собой и бормочет как испуганный попугай:

- Нет... нет...нет!

Я был поражен его реакцией. Я ощущаю непонятную тревогу, по телу прокатывается дрожь, будто бы меня облили ледяной водой.

Неуклюже хватаюсь за бокал с вином, чтобы справиться с волной паники. Манжет закатывается и оголяет место укуса. Иван смотрит на ранку в нижней части руки.

Выражение испуга исчезает с его лица, оно становится издевательским.

Ко мне пришла Марго.

Она остановилась у мраморного порога. Над ее шляпкой с чайными розами качалась голая ветка. В глазах девушки блестели слезы, через несколько секунд они уже катились по ее бледным щекам. Казалось, Париж прислал ее – город, дыхание которого я постоянно здесь слышу. Она была послем жизни, воплощением искушения. Любовная борьба продолжалась почти час.

- Эрнест, умоляю тебя, оставь это место, - сказала Марго. – Ты меня еще любишь? Не хотела тебя связывать, не хотела, чтобы ты думал, что у меня недостаточно сил... Но сейчас не могу позволить тебе и дальше оставаться здесь... я хочу тебя отсюда забрать. Как ты выглядишь, Эрнест? Что за глупость потерять здоровье и жизнь ради денег. Мы были счастливы даже тогда, когда не было денег оплатить квартплату. Вспомни вечера в моей комнате, прогулки в Фонтенбло, счет из кафе, на который нам не хватало 5 су. Если ты меня любишь, то пойдем со мной!

Я стоял всего в трех шагах от нее. Пальцами впился в край стола. На мои уста давили тысячи любовных признаний. Но я не мог ничего сказать, если хотел получить награду. Только глазами мог выразить свою глубокую тоску. Но сможет ли самый красноречивый взгляд поведать все то, что необходимо было сказать? Сможет ли объяснить, почему я не могу отсюда уйти, зачем взвалил на себя эту ношу и почему исполнен решимости заполучить эту награду? И что пути к возврату уже нет, что являюсь узником своего отяжелевшего тела? Прежде всего я должен остаться здесь, чтобы разгадать тайну этой гробницы. Выяснить, что же такое дыхание катакано?

Мне было очень тяжело. Марго плакала.

- Ты даже не знаешь, что о тебе понаписывали в газетах, что говорят твои приятели... Послал рапорт в академию.

Говорят и пишут о моем поспешном отчете, касающемся таинственного свечения. Могут говорить об этом, что им вздумается, - даже, что выжил из ума.

- Ты хочешь, чтобы то, о чем перешептываются люди, стало правдой? Как же я тебя люблю, Эрнест. Как же люблю.

Я не мог вынести этого дольше, был близок к обмороку. С огромным усилием воли дал ей знак – "уйди". Отвернулся и долго стоял, пока тень ее щуплой фигурки не исчезла с мраморного пола. Вскоре стихли звуки плача моей любимой...

Но ночью вернулась, моя верная, добрая, любимая, единственная. Преодолела страх перед кладбищем.

Кто же это еще мог быть, если не моя Марго?

Ночью очнулся от тяжкого забытья. Сейчас часто сплю именно так. И почувствовал, что я не один. Кто-то склонился ко мне и поцеловал – болезненно и так несказанно азартно. В зеленоватом свечении вижу силуэт женщины. Отвечаю ей поцелуем, не проронив ни слова. Говорить мне запрещено, но целоваться позволено. Марго обнимает меня с удивительной силой, рожденной тоской и сомнениями.

Марго. Кто же еще?

Все мое тело покрыто ранками. Это следы укусов, пятна от страстных поцелуев.

А раны уже не заживают. Остаются покрыты отвратительной, мокрой коростой, подобно лицу Ивана. Марго приходит каждую ночь. Каждую ночь.

Иван предал меня.

Я уже знаю, кто такая катакано. Раскрыл эту тайну.

Понял по его глазам, он знает. По издевательским взглядам на мои раны, по прищуренному изучающему взгляду. Видел подобный взгляд у судей и болельщиков, когда два истерзанных поединком боксера на секунду прерывали бой.

Сейчас я понимал: Иван прекрасно осведомлен, кто такая катехина.

Даже сейчас вижу, как испуганно подается назад, когда приближаюсь, чтобы схватить негодяя за горло. Он сжался в углу, а я стою над ним.

- Кто такая катехина?

Его обеспокоенность сменилась насмешкой. Он смотрит на меня нахально, издевательски, но я знаю – сейчас он скажет правду.

- Это имя...

- Чье?

- Она научилась этому на Крите... Полгода жила на склонах Лефка Вруне. Я приносил ей овец, она их раздирала.

- Что значит катакано?

- Тоже, что вурволак у албанцев, липир у болгар, мура у чехов, бурхолак в греческой Спарте, брура у португальцев. Она знает хорошо эти народы...

- Это только имена, мерзавец. Хочу знать, что они значат.

- Катакано... Это имя той, которая никогда не насытится кровью и мужской силой. Даже после смерти...

Оставил его в покое. Я уже все знал.

Я толстяк в мраморном застенке. Мое раздутое, специально откормленное тело является вместилищем большого количества крови. Вены должны расширяться, и нести больше соков – амброзии для вампира, появляющегося по ночам, чтобы отведать моей крови.

Особым образом приправленные блюда увеличивают мою жажду.

Она пьет мою кровь, высасывает жизнь, и чем дальше, тем сильнее становится вампир. Сначала она была легкой как призрак. В последние ночи она тяжела. Подавляет меня, давит.

Ее дыхание проходит сквозь камень и погружает меня в зеленоватое свечение разложения. Ее дыхание способно растопить мрамор. Но, возможно, изменение свойства камня – это всего лишь иллюзия. Только я ее вижу. Мое тело отравлено дыханием катехины. Мои мышцы, нервы, мой мозг насыщены ядом разложения. Когда узнал правду, я стал абсолютно спокоен.

Знаю, что в последнее время был болен и потерял контроль над собой. Но сейчас отвага вернулась ко мне.

Не буду уклоняться от битвы, тем более сейчас, когда уже точно знаю, кто мне противостоит. Я решил получить 200 тысяч франков, вопреки катакано и всем жутким тайнам данной гробницы.

Она хочет вернуть телесное воплощение, а, значит, должна подчиняться законам физики. Коль скоро она хочет вернуться к жизни, то сможет умереть и во второй раз.

Я сумею разорвать сеть, которой она меня опутала. Именно сеть. Я пришел к выводу, что мне подстроили искусную ловушку. Кроме того, я здесь остаюсь по своей воле – не хочу утратить награду. Гробница стала моей темницей, выйти отсюда не могу. Ко всему прочему, использовала сеть. Когда хожу, мои ноги наступают на эластичные нити, которые хорошо натянуты и поддаются очень неохотно. Малейший жест рукой затруднен, должен прежде раздвинуть нити сети. На лице часто ощущаю нечто, напоминающее липкую паутину, растянутую летом над узкой лесной тропинкой. Нитки будто бы сделаны из неизвестного металла. Слышу их тихий звук – они неустанно бренчат возле моих губ. Мне хватит сил, чтобы разорвать эти сети!

Сегодня ночью.

Это случилось. Теперь я свободен. Катакано не сможет меня больше терзать. Я получу от нее свои 200 тысяч франков. Я победил. Сегодня ночью был так бдителен, как никогда в жизни.

Я слышал, как постепенно засыпает город. Несмотря на осенний холод, открыл дверь, чтобы лучше слышать тихие отзвуки Парижа, шепчущие о жизни. Той жизни, в водоворот которой я намерен окунуться с моими 200 тысячами франков.

Свет бульваров отражался от покрытого тучами неба. Цветистая подсветка то становилась ярче, то угасала, согласуясь с ритмом больших неоновых надписей, повествовавших о развлечениях, театрах и путешествиях.

Терпеливо жду.

Около полуночи зеленоватое свечение становится все ярче. Напряженно всматриваюсь в табличку с написанным именем "Анна Федоровна Васильская". Дышу спокойно, будто сплю.

Кажется, бронзовая табличка начинает медленно расплываться в зеленоватом свете. Становится тоньше, начинает колыхаться, теряет форму. Красное облако в зеленом ореоле. В мраморной стене зияет черный проем.

Оттуда начинает просачиваться тьма, будто теплое дыхание в морозном зимнем воздухе. Клубится, сгущается, приобретает форму.

И вот кто-то стоит рядом с моей кроватью. Вижу глаза Васильской, ее грубый нос, полные губы. Медленно обнажаются острые белые зубы. Все ее черты я хорошо знаю по портрету. Склоняется ко мне и целует.

Обхватываю ее шею руками и вбиваю ногти в мягкое женское тело. Это действительно тело, чувствую...

Она кричит, беспорядочно колотит руками, царапает мою грудь. Но я держу крепко и не отпускаю.

Мы падаем с кровати, продолжаем борьбу на полу. Я сжимаю руки на ее шее. Ощущаю судороги ее тела. Тела, сотворенного из моей крови. Оно напоминает тело живого человека.

Как тренированный пес вцепляюсь в ее горло, зубами – в гортань.

Она обороняется все слабее. Уже не сопротивляется. Но я хочу быть уверен, что победил.

Мой рот полон крови. Это же моя собственная кровь, вновь вернувшаяся ко мне. Она лежит передо мной неподвижно.

Поднимаюсь. Рот заполняет сладковатый привкус. Губы клеятся. Руки покрыты кровью, моей собственной кровью.

Она лежит вытянувшись на полу. Катакано. В гробнице царит мрак. Дыхание катакано угасло. Сажу в темноте, не зажигая света. Я свободен.

Светает. Начинается бледный пасмурный осенний день.

Катакано раскинулась на полу с растерзанным горлом. Мадам Васильская умерла во второй раз. Присмотрелся к ее лицу.

Она хочет меня поразить напоследок. Она прикинулась Марго. Хочет убедить меня, что убил Марго. Отодвинул останки ног.

Иван удивится.

Уже утро.

Я свободен...